

НОВЫЙ
РОМАН
ЧИНГИЗА
АБДУЛЛАЕВА

*Судьба развела их по
жизни. Никто в этом
не был виноват.
Ни война, ни развал
государства, ни
личные желания.
Только
обстоятельства,
которые были
выше их.*

Чингиз Абдуллаев

Год
обезьяны

ЭКСМО

Чингиз Акифович Абдуллаев

Год обезьяны

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=180938

Год обезьяны: Эксмо; Москва; 2008

ISBN 978-5-699-31555-0

Аннотация

Старший следователь прокуратуры по особо важным делам Муслим Сафаров срочно вылетел в Санкт-Петербург, где убили его земляка, молодого дипломата. Под видом дипломатического работника Муслим начал вести расследование. И первое, что он узнал, – девушка, которую подозревают в убийстве, родная дочь его давней возлюбленной. Такое обстоятельство, конечно, не дает важняку морального права оправдывать подозреваемую. Но оказалось, что прошлое человека так сильно влияет на настоящее, что порой кардинально меняет его жизнь...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	30
Глава 4	57
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Чингиз Абдуллаев

Год обезьяны

Если бы вы строили дом счастья, то самую большую комнату пришлось бы отвести под зал ожидания.

Жюль Ренар

Однажды, гоняясь за счастьем, вы сможете его обнаружить и подобно старухе, все время искавшей свои очки, поймете, что ваше счастье было всегда у вас на носу.

Бернард Шоу

Глава 1

«У Обезьяны самый противоречивый характер из всех знаков Зодиака. Она общительна и создает впечатление, что ладит со всеми, но это согласие достаточно обманчиво».

(Из восточного гороскопа)

Уголовное дело было завершено. Он дочитал последнюю страницу, закрыл папку. Сегодня обвинительное заключение должен подписать прокурор, и тогда дело пойдет в суд. Все как обычно. Сколько таких дел он завершил, сколько расследований провел в своей жизни! И только дважды его дела

возвращали на доследование. В обоих случаях судьи были куплены обвиняемыми, и он хорошо об этом знал. Но доказать подобное было невозможно. Судьи находили формальные нарушения и возвращали дела на повторное расследование, чтобы уже другой следователь мог спокойно развалить дело, не доводя его до суда. Подобные неудачи только закаляли его, он еще более тщательно и пунктуально отработывал все версии, фиксировал все факты и готовил настолько безупречные дела, что их даже приводили в качестве примеров студентам юридических факультетов.

К своим сорока восьми годам он был старшим следователем по особо важным делам прокуратуры республики. Дважды за эти годы его увольняли из прокуратуры, используя любую возможность, чтобы отстранить от занимаемой должности. Но каждый раз его приходилось возвращать снова на работу. Муслим Сафаров был выдающимся следователем, и это признавали даже его недруги, которых насчитывалось достаточно в системе прокуратуры. Он не вписывался в эту систему. Не умел давать взятки, никогда не вымогал денег, пытался игнорировать существующее положение вещей. Может, поэтому его не любило начальство, не понимали коллеги и ненавидели обвиняемые. Он был «белой вороной», которая профессионально делала свое дело, но не могла работать в стае.

Он работал в прокуратуре больше двадцати лет, вернувшись сюда еще в восемьдесят третьем, когда пролежал в

больнице несколько месяцев после тяжелого ранения, находясь между жизнью и смертью. Может, это обстоятельство сказалось на его дальнейшей судьбе, а может, свою роль сыграло воспитание, полученное в семье родителей-педагогов. Но с первого дня своей работы в прокуратуре он проявил себя порядочным человеком и выдающимся следователем.

Если бы он научился вписываться в эту систему и умел находить общий язык с многочисленными чиновниками сначала из Центрального Комитета, а потом из президентского аппарата, если бы он научился находить компромисс, возможно, Муслим Сафаров уже давно был бы прокурором большого города или даже заместителем прокурора республики по следствию. Но он оставался таким, как есть, и не собирался изменяться.

Первый раз его уволили в конце девяносто второго. Тогда в Баку к власти пришла партия Народного фронта, которая считала, что подобные «идейные следователи» не нужны новому режиму. Он провел расследование крупных хищений, в которых были виноваты некоторые функционеры новой власти. Прокурор не подписал обвинительного заключения, потребовав изменить выводы. Сафаров отказался. Тогда его немедленно уволили. Он устроился на работу юристом-консультантом на машиностроительный завод и проработал там почти шесть месяцев. К лету девяносто третьего власть поменялась, и его сразу позвали обратно, чтобы провести расследование уже новых преступлений старой власти.

Через шесть лет его уволят во второй раз, когда он начнет расследование по факту похищения людей в городе. Его выводы объективно свидетельствовали, что в злодеяниях замешаны высшие чины Министерства внутренних дел, сами организовывавшие подобные преступления. Таких выводов ему не простили. К тому же один из подозреваемых высокопоставленных сотрудников полиции оказался двоюродным братом его начальника. Сафарова уволили во второй раз и даже открыли уголовное дело. Через два месяца его руководителя сняли с работы, и Муслима Сафарова вернули на прежнюю должность. Уже через несколько лет следственная бригада Министерства национальной безопасности подтвердит выводы Сафарова и арестует группу высокопоставленных чиновников полиции, виновных в рэкрете и вымогательствах.

К своим сорока восьми годам он так и остался старшим советником юстиции, не получив в отличие от своих коллег генеральского чина, которого достигли его более молодые сослуживцы. В прокуратуре все прекрасно знали, что он лучший следователь из всех, которые когда-либо работали в их системе. И все знали, что самые сложные, самые запутанные расследования поручают именно Муслиму Сафарову, но, может, поэтому его и не любили. Он был как зримое воплощение таланта служащего укором бездарностям. А его порядочность и честность вызывали раздражение не только у коллег, но и у всего руководства прокуратуры.

Неизменно выбритый, подтянутый, спортсмен, до сих пор не пренебрегающий утренними зарядками и иногда даже посещающий тренировочный зал, Сафаров появлялся на работе точно в девять часов утра, чтобы уйти одним из последних. В конце восьмидесятых он женился, но через три года развелся. Теперь его дочь была уже студенткой медицинского университета и иногда встречалась с отцом. Бывшая супруга очень удачно вышла замуж во второй раз за бизнесмена, занимавшегося поставками нефтяного оборудования. Вскоре у них родилось еще двое мальчиков. Бывшая супруга с негодованием отказалась от алиментов, которые ей причитались с первого мужа на содержание дочери. «Эти гроши нам не понадобятся», – несколько раз презрительно заявляла она. Сафаров понимал, что она права. Четвертая часть его заработной платы в девяностые годы не стоила и пары заколок, которые носила его бывшая жена. И хотя с началом нового века зарплата прокурорских работников была значительно повышена, тем не менее четверть его должностного оклада по-прежнему ничего не стоила в глазах бывшей супруги.

Они построили большой трехэтажный особняк недалеко от стадиона, купили дачу бывшего партработника за городом и даже приобрели квартиру в Москве. Сам Муслим Сафаров ездил на «Волге», которую приобрел недавно в кредит, тогда как в семье его бывшей супруги было четыре автомобиля. Он относился к этому с непонятым равнодушием. Сафаров

проживал в своей двухкомнатной квартире, оставшейся ему от старшего брата, который переехал отсюда еще в восьмидесятые годы. Старший брат сделал неплохую карьеру, стал чрезвычайным и полномочным послом в одной из европейских стран и был на хорошем счету у руководства республики. Некоторые даже полагали, что со временем посол будет назначен заместителем министра иностранных дел. Отношения с братом у них были довольно натянутыми, несколько раз старший брат пытался образумить младшего, указывая ему на возможность компромисса в его делах, но Муслим неизменно оставался на собственных позициях.

В этот день он закончил очередное расследование, чтобы предъявить обвинение двоим избличенным преступникам в совершении убийства. Сафаров отправил дело прокурору и собирался уйти сегодня несколько раньше обычного, когда раздался телефонный звонок.

– Муслим Азизович, – подчеркнуто любезно спросил заместитель прокурора республики, курирующий следствие, – вы можете зайти ко мне?

– Сейчас зайду. – Он подумал, что не всех портит власть. Заместитель прокурора республики когда-то работал у него стажером и с тех пор сохранил уважительное отношение к невероятному профессионализму и опыту Сафарова.

Ему было сорок два года. Карьеру он сделал благодаря удачной женитьбе на дочери одного партийного функционера из правящей партии. Сначала его взяли в прокуратуру,

затем достаточно быстро послали прокурором района, перевели в город и в сорок два года сделали заместителем прокурора республики. Сабир Ибадов, несмотря на свою молодость, был достаточно благоразумным и понимающим человеком, чтобы ценить такого следователя, как Муслим Сафаров. Он неизменно обращался к нему на «вы», тогда как к остальным сотрудникам, даже гораздо старше его по возрасту, он обращался на «ты».

– Добрый день, Муслим Азизович, – начал Ибадов. – Я пригласил вас по очень важному делу. Садитесь, пожалуйста. Вы уже закончили свое расследование?

– Да, осталось подписать обвинительное заключение и передать дело в суд, – подтвердил Сафаров.

– Очень хорошо. Вы, как всегда, поработали просто замечательно. Сумели найти и изобличить обоих убийц. Очень хорошая работа, Муслим Азизович.

– Спасибо.

– Но я позвал вас не поэтому. У нас большое ЧП. В Санкт-Петербурге убили сотрудника нашего генерального консульства. Сейчас российская прокуратура проводит свое расследование. Среди подозреваемых есть молодая женщина, дочь ответственного сотрудника городской мэрии. Ее мать работает у самой Матвиенко. Можете себе представить? И, конечно, такое деликатное дело нельзя доверять кому попало. Российская сторона сама обратилась к нам с предложением о сотрудничестве. Мы вышлем туда своего специалиста. Ко-

нечно, расследование будет вести российская прокуратура, как и полагается по закону, но такой специалист, как вы, может оказаться очень полезным. Это большая политика, Муслим Азизович. У нас недавно избрали нового Президента страны, а в марте этого года, через несколько недель, будут избирать повторно Президента России Владимира Путина. Вы же знаете, что Путин из Санкт-Петербурга. Более того, мать этой молодой женщины работала в мэрии еще со времен Собчака и Путина. В общем, мы решили послать вас. Как представителя Министерства иностранных дел. Вы на месте разберетесь в том, что происходит, и я абсолютно уверен – сумеете точно выяснить, что именно там случилось. Но учтите, выводы вы должны доложить только мне. Или нашему прокурору республики. И никому больше. Это совсем не тот случай, когда нужно проявлять излишнюю самостоятельность. Нам нужно установить истину, но не более того. Не портить отношения с нашим северным соседом. Это большая политика, Муслим Азизович. У нас новый молодой Президент. И будет неправильно, если мы начнем наши отношения с этого прискорбного случая в Санкт-Петербурге на родине нынешнего Президента России.

– Год Обезьяны, – задумчиво прошептал Сафаров.

– Что? – не понял Ибадов.

– Ничего. Просто я вспомнил, что несколько дней назад начался год Обезьяны. Восточные календари не всегда совпадают с западными.

– Вы увлекаетесь такими гороскопами? – добродушно спросил заместитель прокурора республики. – Я не думал, что вы верите в такие несерьезные вещи.

– Не знаю, – ответил Сафаров, – просто странное совпадение. Я сам по гороскопу Обезьяна и до этого только два раза был в Санкт-Петербурге, или, как тогда называли, в Ленинграде. И оба раза в год Обезьяны. Я думал, что подобное совпадение в третий раз не может повториться. Но говорят, что такой год – это нечто кармическое. У каждого человека, ровно через двенадцать лет.

– Иногда бывают странные совпадения, – согласился Ибадов, – но это не относится к убийству, которое там произошло. Вам нужно вылететь прямо завтра утром. Заодно организуете отправку тела нашего дипломата в Баку. И не забывайте, что вы теперь сотрудник МИДа, а не следователь по особо важным делам. Сделайте так, чтобы они не поняли, кем именно вы являетесь. Хотя я думаю, что нет ничего удивительного, если сотрудник нашего МИДа будет юристом по образованию.

– Когда мне дадут документы?

– Завтра утром заедете в наше консульское управление. Они уже все знают. Заберите документы и вылетайте. В Санкт-Петербурге вас встретят. А сейчас пойдем к прокурору республики, и он даст вам личные указания. Это дело на контроле у президентского аппарата. Вам нужно только все уточнить и сделать необходимые выводы. Для себя. А потом

доложить их нам. Если ваши выводы не совпадут с выводами российской прокуратуры, нет ничего страшного. Там спорить не нужно, доказывая, насколько вы лучше разбираетесь в подобных вопросах.

– Я так понял, что даже если они обвинят в убийстве другого человека и я пойму, что они совершают ошибку, то я должен им только поддакивать? – спросил Сафаров.

– Не нужно сразу так категорично, – нахмурился Ибадов, – я всего лишь прошу вас помнить, что вы профессиональный юрист и не имеете права на самостоятельное расследование. Вы иностранный гражданин и можете только наблюдать за действиями ваших российских коллег. А свои выводы оставьте для нас. В конце концов, если они даже предъявят кому-то обвинение, то и тогда это будут российские граждане. И вы при любом раскладе не можете и не должны вмешиваться.

– Теперь я знаю, почему вы мой начальник, – пробормотал Сафаров, – повернули дело так, что я обязан подчиняться закону. И нашему, и российскому. Не быть конформистом и приспособленцем, а всего лишь исполнять букву закона. Здорово.

– Хорошо, что мы поняли друг друга, – улыбнулся Ибадов, – вы меня так редко хвалите. И раньше редко хвалили, когда я был у вас стажером. Хотя, если честно признаться, я очень многому у вас научился. У нас говорят, что вы настоящий Шерлок Холмс, можете увидеть такие нюансы, какие

не заметит никто другой.

– Шерлок Холмс был частным детективом и не работал на государство, – добродушно напомнил Сафаров.

– Значит, вам легче, – подхватил заместитель прокурора, – за вами стоит целое государство. И не забывайте о политической составляющей вашей командировки. И еще один момент, – он нахмурился, – дело в том, что отец погибшего довольно известный человек в Баку. Первый заместитель министра. Вы меня понимаете? Он уже полетел в Санкт-Петербург. Его брат работает в нашем Министерстве национальной безопасности начальником отдела. Это очень уважаемые люди. Вы должны будете каким-то образом их успокоить и помочь с отправкой тела.

– Как можно успокоить отца, потерявшего сына? – словно рассуждая сам с собой, спросил Муслим. – А еще учтите, что прокуратура не выдаст тела погибшего, пока не закончится предварительное следствие. Представляю, какие проблемы будут с его родными.

– Нужно решать их на месте. Это не обычный погибший, а сотрудник нашего генерального консульства. Дипломат. И поэтому мы можем настаивать на экстрадиции его тела в Баку.

Сафаров кивнул головой. Ибадов поднял трубку прямого телефона с прокурором республики.

– Вы разрешите зайти к вам? – спросил он. – Да, Муслим Сафаров у меня.

Он положил трубку, поднялся.

– Пойдемте, – предложил он. И, когда они вышли из кабинета, миновали приемную и оказались в коридоре, Ибадов, оглянувшись по сторонам, тихо пробормотал: – И учтите, что у нас сейчас есть вакансия на моего заместителя. Вы давно должны получить государственного советника и повышение по должности. После вашего приезда мы как раз будем рассматривать этот вопрос. Учитывая ваш опыт, я стану настаивать на вашей кандидатуре. Пойдемте быстрее.

Сафаров ничего не ответил. Конечно, неплохо, если его назначат на эту должность. Но за последние годы он привык к тому, что его всегда обходили более молодые и менее талантливые коллеги. У одного было нужное происхождение, у другого – нужные родственные связи, у третьего – большие финансовые возможности. Соревноваться с ними он не мог и не хотел. Поэтому и слова заместителя прокурора республики не произвели на него должного впечатления. В конце концов, ему и на своем месте неплохо. А если сейчас он уйдет на пенсию, то после недавнего очередного повышения должностных окладов он будет гарантированно получать семьсот или восемьсот долларов пенсии пожизненно. Ему одному большего и не нужно.

Когда они бесшумно прошли в приемную, секретарь показала на дверь в кабинет, разрешая им войти.

– Он вас ждет, – подчеркнула она.

Ибадов повернулся к Сафарову.

– Только насчет обезьяны не вспоминайте, – попросил он, – вы, наверно, пошутили?

– Нет, – ответил Муслим, – я сказал правду.

Глава 2

«Родившиеся в год Обезьяны обычно интеллектуалы. Они много читают и много знают. Они хорошо образованны и обладают прекрасной памятью, что позволяет им вспоминать малейшие детали виденного, прочитанного или услышанного».
(Из восточного гороскопа)

Вечером он вернулся домой несколько раньше обычного. Пошел на кухню, чтобы подогреть оставшуюся со вчерашнего дня еду. Один раз в два-три дня к нему приходила пожилая соседка, которая готовила ему еду из закупленных заранее продуктов. Они договорились, что он будет платить пенсионерке пятьдесят долларов в месяц. Для пожилой женщины это была большая прибавка к пенсии, а он получал гарантированную горячую еду дома, так как не любил ходить в рестораны.

Он разделся, подошел к зеркалу. Строгое, худощавое лицо, короткая стрижка жестких, уже седеющих волос, прямой нос, волевой подбородок. На него смотрел достаточно стройный мужчина средних лет. У них в семье мужчины всегда сохраняли стройные фигуры, несмотря на возраст. Они были высокие и тонкокостные, возможно, среди его предков были представители и других северокавказских народов. Муслимом его называли в честь деда, который погиб на войне зимой

сорок пятого, в Померании.

Сафаров прошел на кухню. Уселся за стол, собираясь ужинать. Немного подумав, достал из холодильника бутылку водки. Он не любил спиртного и очень редко его употреблял. Но сегодня решил выпить. Налил небольшую рюмку, нарезал лимон дольками. Залпом выпил, поморщился и съел дольку лимона. Затем поднялся, чтобы положить себе еду. Уже сидя за столом, он вспомнил сегодняшний разговор. Кажется, Ибадов ему действительно не поверил. Разве можно поверить в подобное совпадение? Если бы кто-нибудь сегодня утром сказал бы Муслиму Сафарову, что завтра он полетит в Санкт-Петербург, он решил бы, что это глупая шутка. И не поверил бы в подобную возможность. Но невероятное произошло. Завтра он полетит в Северную Пальмиру уже в третий раз. В третий раз, вспомнил Муслим. И два предыдущих визита тоже были своего рода «кармическими». Два его предыдущих визита. Ровно двадцать четыре года и двенадцать лет назад. Он закрыл глаза. Два визита, которые изменили его жизнь. Или наоборот, подтолкнули его к осознанию цельности своей жизни и оправданию тех принципов, которые он исповедовал.

Двадцать четыре года назад. Первый раз он попал в Ленинград летом тысяча девятьсот восьмидесятого года. Тогда все было в первый раз. А потом была зима девяносто второго года. И это воспоминание тоже осталось с ним на всю жизнь. И вот теперь, по странному стечению обстоятельств, он ле-

тит в Санкт-Петербург в третий раз.

Муслим встал, прошел в спальную, которая служила ему и кабинетом. Сел за стол. Задумался. Как все получилось странно. Три поездки в Ленинград и Санкт-Петербург с перерывами в двенадцать лет. Каждая поездка запомнилась по-особенному. Неужели и сейчас будет нечто похожее? Сколько в его жизни было значительных событий! Служба в армии, две опасные командировки, тяжелое ранение, более чем двадцатилетняя служба в прокуратуре с двумя перерывами. А сколько расследований он провел, скольких опасных преступников изобличил! Этих рассказов хватило бы на двадцать остросюжетных романов. И вот теперь третья поездка. Нужно будет выспаться перед завтрашним полетом. И постараться вспомнить старые адреса или старые телефоны. Он задумался, тряхнул головой. Столько лет прошло. Он, конечно, ничего не вспомнит и никого не найдет. Хотя можно попытаться поискать через адресный стол или через местную милицию. Но как он объяснит свой непонятный интерес к конкретным людям? Может, кто-то умер, кто-то сменил адрес или вообще уехал из страны. С тех пор произошло столько событий.

Он сидел за столом и вспоминал. Свои две предыдущие поездки и всю свою жизнь. Когда он в очередной раз взглянул на часы, оказалось, что он просидел за столом почти четыре часа. Он невесело усмехнулся, поднялся, чтобы почистить зубы и отправиться спать. И ночью во сне он видел на-

плывающие друг на друга женские образы.

На следующее утро он заехал в Министерство иностранных дел и получил документы и подробные инструкции начальника управления. Добросовестный чиновник, очевидно, каким-то образом сумел узнать, что старший брат Муслима является тем самым посланцем, которого уже давно прочат в заместители министра, и поэтому был особенно любезен. А может, он догадался, увидев фамилию и отчество Сафарова. Как бы там ни было, в МИДе все формальности были утрясены достаточно быстро, и Муслим поехал в прокуратуру получать командировочные и свой билет. Как следователь по особо важным делам, он мог бы претендовать и на билет бизнес-класса, но в его родной прокуратуре посчитали, что можно сэкономить, приобретя ему билет в эконом-класс. Такие мелочи его не очень волновали. После того как их самолет однажды сел под сильным обстрелом в Кабуле, он вообще перестал бояться летать, не обращал внимания на возможную турбулентность.

Самолет вылетел точно по расписанию. Он попросил место у иллюминатора и почти все время проспал. Проснулся он только тогда, когда по самолету объявили о посадке и попросили пристегнуть ремни. В аэропорту он прошел через государственную границу. Пока милостивая женщина-пограничник внимательно сверяла его паспорт с какими-то данными из своего компьютера, он терпеливо ждал.

«Мог ли я подумать, что когда-нибудь вернусь в Ленин-

град, который станет Санкт-Петербургом, и буду проходить через государственную границу, которая разделит две наши бывшие республики», – подумал Муслим. Говорят, что китайцы проклинали человека, желая ему жить в меняющемся мире. Кажется, он попал в такой изменяющийся мир.

Девушка-пограничник строго взглянула на него.

– Почему вы заполнили регистрационную карточку? – спросила она.

– В самолете сказали, что нужно заполнить эту карточку, чтобы получить регистрацию в России для иностранцев, – пояснил Муслим.

– Вам этого делать не нужно, – возразила девушка, – вас разве не предупреждали? Согласно межправительственному соглашению между Россией и Азербайджаном люди, прибывающие в командировку по служебным делам и имеющие дипломатические или служебные паспорта, не заполняют подобных карточек. А вы указали, что дипломат. И паспорт у вас выдан вчерашним числом.

– Дипломат я уже давно, просто мне поменяли паспорт, – мрачно ответил Муслим. Она была права, вот на подобных мелочах обычно он сам и ловил преступников. А теперь так глупо попался уже при первом досмотре. Нужно быть более внимательным.

– Понятно, – сказала девушка, покачав головой. – А паспорт у вас новый. И вообще вы не дипломат, а эндокринолог. Помните «Мимино»?

Он не поддержал ее шутку.

– Нет, – ответил Муслим, – не помню.

Она молча протянула ему паспорт. Он прошел через багажное отделение, миновал таможеню. Когда он вышел в зал, его уже ждал молодой человек лет двадцати пяти. Чуть выше среднего роста, светловолосый, со светло-кариими глазами и немного вздернутым, курносым носом. Молодой человек шагнул к нему.

– Добрый день, Муслим Азизович. Я из нашего генерального консульства. Сергей Алиев.

– Очень приятно. Куда мы едем?

– Нас уже ждут в городской прокуратуре. Мне предложили сразу повезти вас туда, если вы не возражаете.

– Не возражаю. У вас есть машина?

– Конечно. Наш автомобиль стоит у здания аэропорта на стоянке. Пойдемте, я вас отвезу.

Они вышли из здания, уселись в светлый автомобиль «Ниссан» с красными дипломатическими номерами. Сергей расплатился за стоянку, и они выехали.

– Вы давно работаете в нашем консульстве? – спросил Муслим.

– Уже второй год, – улыбнулся Сергей. – Я раньше работал в Минске, а сейчас меня перевели в Санкт-Петербург. Но я даже рад, что переехал именно сюда. У меня бабушка из этих мест, она из Павловска. Во время войны ее эвакуировали в Баку, и там она вышла замуж за геолога. А уже по-

том родилась моя мама. Меня назвали в честь брата бабушки Сергеем. Он погиб здесь во время Ленинградской блокады. Ему было только шесть лет.

– Понятно, – помрачнел Муслим, – значит, у вас есть русская кровь? Я так и подумал. Вы похожи на метиса.

– Скорее на квартирона, – рассмеялся Сергей, – у меня ведь бабушка русская, значит, на четверть. Хотя дедушка тоже был светлым, его родственники из Щеки. Там много светловолосых и зеленоглазых, даже попадаются мужчины с веснушками.

– Как погиб наш сотрудник? Вы с ним были знакомы?

– Конечно, я его знал. Фамиль Измайлов. Он работал здесь еще до меня. Ему было тридцать два года.

– Он был женат?

– Нет, холостой. Он окончил Киевский международный. Потом работал в нашем посольстве в Германии. Хорошо владел немецким и английским языками. Сюда его перевели три года назад. Первым секретарем генконсульства. Он как раз заканчивал свой срок. Говорили, что его с повышением должны послать в Турцию. Советником нашего посольства.

– Ясно. А как он был в работе?

– Нормально, – пожал плечами Сергей, – у нас генеральное консульство небольшое. Только пятеро сотрудников. Я имею в виду дипломатов. А еще есть секретарь, делопроизводитель, уборщица, водитель и дежурная. Но наши женщины все были влюблены в Измайлова, он умел производить

впечатление.

– И поэтому вы ничего не можете о нем сказать?

– Могу. Он был опытный человек. Знал нашу работу.

– А его личные качества?

– Нормальные, – повторил Сергей, глядя перед собой.

– Это единственное слово, которое вы можете употребить для его характеристики? – поинтересовался Муслим.

– Я не знаю, что говорить, – ответил Сергей, – мы с ним лично не дружили. Он снимал квартиру на Лиговском проспекте, считал, что нужно жить только в самом центре.

– Зарплата первого секретаря позволяла ему такие траты? – усмехнулся Муслим.

– Конечно, не позволяла. У него отец работает заместителем министра в Баку. Он и помогал сыну. Вчера вечером они прилетели. Отец и дядя погибшего. Хотят забрать его тело. Они уже были в прокуратуре. Но пока следователь им ничего не пообещал. Сегодня они хотят переговорить с прокурором города. Вы же понимаете, что они не хотят его здесь оставлять.

– Как он погиб? – спросил Муслим.

– Он жил в отдельной квартире. Но соседи видели, как к нему поднималась молодая женщина. Он был холостой, и к нему часто заходили знакомые женщины. Я ничего не хочу сказать, но соседи об этом знали. Хотя вел он себя тихо, никто на шум не жаловался. А утром Измайлов не приехал на работу. Мы ему звонили, но мобильный не отвечал. Тогда

мы вдвоем с нашим водителем поехали к нему. Долго звонили, безрезультатно. У нас было важное дело, документы следовало завизировать, а ключ от сейфа оказался у Фамилля. Тогда вечером мы вызвали дежурного слесаря. Вскрыли дверь и нашли его убитым...

– Вы сами были на месте?

– Да. Вместе с нашим генеральным консулом. Сразу вызвали милицию. Позвонили в прокуратуру...

– Как его убили?

– Кто-то ударил его ножом. Вот сюда, чуть ниже сердца, – показал Сергей, – потом в милиции нам сказали, что он умер от потери крови. Хотя был всего лишь один удар.

– А где был нож?

– Рядом с ним. Видимо, он сумел его вытащить и бросил рядом с собой. Так говорил следователь. И еще... Фамиль был выпившим и поэтому умер не сразу. Алкоголь сыграл роль анестезии, и поэтому он смог вытащить нож.

– Какой был нож?

– Обычный, – удивился Сергей.

– Вы меня не поняли. Это был охотничий нож? Или кухонный? Может, какой-то другой?

– Нет, нет. Обычный кухонный нож. Хорошо заточенный. И хозяйка квартиры, которая сдавала ее Фамилю Измайлову, опознала свой нож.

– Значит, могла быть обычная ссора, – предположил Муслим, – и кто-то схватил кухонный нож и ударил им ваше-

го сотрудника. Нашего сотрудника, – недовольно поправился он.

– Следователь говорит то же самое, – сообщил Сергей.

– У погибшего могли быть враги?

– Не знаю. Я же говорю, что мы с ним не так близко общались. Но у него был большой круг знакомых. Он ведь работал здесь уже три года.

– А где вы сами живете? – неожиданно спросил Муслим.

– Далеко, – ответил Сергей, чуть помолчав. – Я недавно женился. У меня супруга и маленький ребенок. А в центре города такие зверские цены. Поэтому мы не можем себе позволить подобные расходы... У нас секретарь консула Альбина живет еще дальше. И ей приходится вставать чуть ли не в семь утра, чтобы успеть на работу.

– Значит, получается, что вечером он приехал домой после работы и у него появилась неизвестная женщина, которая, возможно, и ударила его ножом? – уточнил Муслим.

– Во всяком случае, это пока единственная версия у следователя прокуратуры. Учитывая, что погиб дипломат, расследование поручили следователю по особо важным делам городской прокуратуры Вячеславу Евгеньевичу Мелентьеву. Вы знаете, что об этом убийстве уже ходят нехорошие слухи в городе и в области. Здесь проживает столько тысяч наших земляков. И все узнали об убийстве нашего дипломата. Уже говорят, что это политический терроризм.

– Представляю, что здесь происходит, – согласился Му-

слим. – А кто эта женщина, которая была у него? Ее уже нашли?

– Конечно, нашли. Она не отрицает, что была в тот вечер у Фамиля Измайлова. Ее зовут Наталья Фролова, она дочь начальника управления Санкт-Петербургской мэрии Радволиной. Ее мать работала еще с самим Путиным, а сейчас сотрудничает с Валентиной Матвиенко. Наши считают, что если даже удастся доказать вину Фроловой, то и тогда никто не станет предъявлять ей официального обвинения, а мать сделает все, чтобы ее выгородить.

– Есть какие-нибудь доказательства вины этой Фроловой, кроме ее появления в квартире погибшего?

– Нет. Больше никаких.

– Сколько ей лет?

– Она студентка медицинского института. Только двадцать лет.

– И в двадцать лет она совершает такое убийство? – недоверчиво спросил Муслим. – Молодая женщина из хорошей семьи. Как нужно было ее довести, чтобы она решилась на подобное? И как она станет жить после этого? Такой шок не для каждой двадцатилетней, даже если она будущий врач. Ее появление в доме – это еще не доказательство. Она не отрицает факта своего прихода к Измайлову?

– Нет. Но она говорит, что была там не больше десяти или пятнадцати минут. А потом ушла.

– Что их связывало? Они были просто знакомыми или

нечто большее?

– Этого я не знаю.

– И больше соседи там никого не видели?

– Нет. И ничего не слышали. Мы уже скоро будет в прокуратуре.

– Сколько лет Мелентьеву?

– Пятьдесят или чуть больше. Он считается одним из самых лучших специалистов.

Они въезжали в центр города. Муслим смотрел на незнакомые улицы. Как здесь все поменялось с тех пор, как он в последний раз был в этом городе!

– Красивый город, – задумчиво сказал он.

– Изумительный, – восторженно поддержал его Сергей, – но жене не нравится. Она у меня татарка из Баку и считает, что здесь все время зябко, холодно. А мне нравится. Может, сказываются мои гены, все-таки бабушка из этих мест. Он такой красивый. Я могу часами ходить по городу. И сколько здесь великолепных музеев!

– Что вы оканчивали? – спросил, улыбнувшись, Муслим.

– Восточный факультет Бакинского университета, – ответил Сергей. – Владею английским и фарси.

– И еще русским. Сейчас это тоже иностранный, даже с учетом вашей бабушки, – пошутил Сафаров.

– У нас русским владеют все дипломаты, – рассмеялся Сергей. – Вы же знаете, что у нас не считают иностранными языками русский и турецкий. А еще многие знают грузин-

ский или армянский языки.

– Вы меня убедили. У нас в дипломаты идут только полиглоты.

– Почему только в дипломаты? – удивился Сергей. – Наш новый Президент тоже хорошо знает несколько языков. Кроме родного, он прекрасно говорит на русском. Вы же в курсе, что он окончил МГИМО и даже там преподавал. А еще он знает английский, французский, турецкий. Разве это плохо? Мне лично нравится.

Муслим согласно кивнул. Интересно, сумеет он найти своих бывших знакомых в этом городе? Нужно будет попытаться поискать через адресное бюро. Или воспользоваться помощью милиции. А может, не нужно никого искать? Кто-то из классиков сказал, что никогда не нужно возвращаться туда, где вы были счастливы. Никогда не возвращайтесь в свое прошлое, иначе разочарование будет слишком большим. Он задумался.

– Мы уже приехали, – сообщил Сергей, припарковывая машину. – Я заранее позвонил, чтобы заказать нам пропуски.

Муслим вышел из автомобиля. Огляделся. Прошло ровно двенадцать лет с тех пор, как он приезжал сюда в последний раз. Тогда он добирался до городской прокуратуры на такси. Интересно, остался ли кто-нибудь из старых знакомых среди сотрудников? Или там уже все новые лица?

– Пойдемте, – пригласил его Сергей, и они вдвоем направились к зданию городской прокуратуры.

Глава 3

«Обезьяна не поддается магнетизму других знаков Зодиака. Она может легко вывернуться из любой ситуации, применяя свой здравый смысл и логику».

(Из восточного гороскопа)

Вячеслав Евгеньевич Мелентьев оказался пожилым человеком, в крупных роговых очках, с уставшим, несколько потухшим взглядом и тяжелыми, грубыми чертами лица. Мелентьев работал много лет на Крайнем Севере и перевелся в городскую прокуратуру только десять лет назад. В свои пятьдесят три он выглядел значительно старше своих лет. Может, виной тому было его лицо, изрезанное морщинами, оставшимися после северных пронизывающих ветров и суровой стужи, когда ему приходилось выезжать в самые отдаленные места по характеру своей службы. А может, потому, что он рано поседел и теперь выглядел на все шестьдесят. Или потому, что он собирался через полтора года выйти на пенсию и уже ни о чем не сожалел и не мечтал, рассчитывая поселиться на небольшой даче за городом, куда к нему будут приезжать двое внуков.

– Добрый день, – поздоровался он за руку с прибывшими дипломатами. С Сергеем Алиевым он был знаком. А другого видел впервые.

– Муслим Сафаров, – представился вошедший.

– Садитесь, пожалуйста, – показал Мелентьев на стулья. – Хорошее имя Муслим. В шестидесятые годы я был еще мальчиком, когда у нас в Ростове, где я вырос, сходили с ума из-за вашего певца Муслима Магомаева. Мать мне рассказывала, что простояла четыре часа, чтобы купить билеты на его концерт.

– Он тогда был очень популярен.

– Он и сейчас очень популярен, – сказал Мелентьев, – хотя прошло уже больше сорока лет и моей матери далеко за семьдесят.

– Меня назвали в честь деда, – сообщил Сафаров. – Кстати, Муслима Магомаева тоже назвали в честь деда, который считался одним из основоположников современной музыки в Азербайджане. Именем его известного деда названа филармония в Баку.

– Очень интересно, – согласился Мелентьев. – Что-нибудь будете пить? Чай или кофе?

– Ничего, – ответил Муслим. Он понимал, что следовательно из всех сил оттягивает начало неприятного разговора. Он взглянул на сидевшего рядом Сергея Алиева, как бы предлагая ему начать разговор.

– Наш дипломат прилетел из Баку, чтобы утрясти все вопросы, – начал Сергей, – которые могут возникнуть во время расследования этого дела. Я имею в виду и отправку тела.

– У нас вчера был очень тяжелый разговор с родственни-

ками погибшего, – тяжело вздохнув, произнес Мелентьев. – Прилетели его отец и дядя. Отец работает первым заместителем министра, а дядя руководитель отдела в вашем Министерстве национальной безопасности. Они приехали не одни, а с заместителем начальника управления ФСБ по нашей области. Не поверите, какое давление я вчера выдержал. Меня даже вызывали к городскому прокурору. Но я не могу дать согласие на экстрадицию тела, пока не закончено наше расследование.

– Разве вам может понадобиться дополнительная экспертиза? – уточнил Сафаров. – По-моему, патологоанатомы могли составить необходимое заключение уже при первом освидетельствовании... И мы вполне можем забрать тело нашего дипломата.

– У нас возникли сомнения, – возразил Мелентьев. – Вы уже, наверно, слышали, что ваш дипломат погиб не от удара ножом, а после обильной потери крови. Я хочу провести вторую экспертизу, чтобы уточнить, мог ли он остаться в живых, если бы ему вовремя оказали помощь.

– Для чего?

– В таком случае можно будет предъявить обвинение не по статье «покушение на убийство», а нанесение тяжких телесных повреждений и оставление человека без должной помощи. Вы меня понимаете? Извините, что говорю несколько профессиональными терминами.

– Я все понимаю, – мрачно ответил Муслим, – я юрист

по образованию. Но почему вы решили переквалифицировать обвинение? У вас уже появился конкретный подозреваемый? Или вы хотите априори переквалифицировать статью, чтобы не предъявлять обвинения в убийстве какому-то конкретному лицу?

– Разумеется, нет, – помрачнел Мелентьев. – Ваши земляки уже намекали на нечто подобное, увязывая мою позицию с возможным предъявлением обвинения гражданке Наталье Фроловой, мать которой занимает ответственную должность в нашей мэрии. Но это всего лишь их предположение, и, простите меня, глупое предположение. Девушка действительно была в доме, но это еще не является доказательством ее вины. Что касается удара, то повторную экспертизу я собираюсь назначить именно исходя из того факта, что роковой удар могла нанести женщина. Удар был не очень сильным, но он перерезал артерию и вызвал большую потерю крови. Такой удар могла нанести и молодая женщина. Он был не особенно сильным, но оказался роковым. Вы меня понимаете?

– Но в таком случае как раз Фролова и может оказаться под подозрением, – напомнил Муслим. – Ведь она учится на врача и могла знать, как именно нанести удар, чтобы вызвать большую потерю крови. Для этого не обязательно сильно бить, достаточно точно ударить...

– Теперь я вижу, что вы действительно юрист, – согласился Мелентьев, – но это тоже ничего не доказывает. Удар мог быть нанесен случайно. Вы же понимаете, что кухонным но-

жом не бьют люди, у которых бывает конкретный умысел. В таком случае убийца приносит свое оружие или хотя бы свой нож. Я уже не говорю о том, что убийца должен был унести оружие после совершения преступления.

– Или он бывал там неоднократно и знал, чем именно можно воспользоваться, – в тон своему собеседнику продолжил Муслим.

– В любом случае я предложил провести завтра вторую экспертизу, – продолжал следователь, – и мы получим результаты уже к вечеру. Если ничего неожиданного не произойдет, то уже послезавтра вы сможете начать оформление необходимых документов на вывоз тела.

– Боюсь, что для родственников это слишком долгий срок, – пробормотал Сергей. – Может, мы начнем оформлять документы и заберем тело уже сегодня вечером?

– Не уверен, что вы успеете, – сухо заметил Мелентьев, – сейчас уже четвертый час дня. Где вы остановились? Я вам завтра перезвоню.

– Где я буду жить? – уточнил Муслим у Сергея.

– В «Октябрьской», – ответил немного смущенно Сергей, словно стесняясь, что гостя поселили в такой гостинице.

– Это здесь недалеко, – кивнул следователь. – Если вы понадобится, я вас смогу быстро найти.

– Вы должны понимать, как переживают родственники погибшего, – напомнил Муслим, – по нашим традициям нужно предавать тело земле в день поминаения. А любые экс-

пертизы только увеличивают страдания отца.

– Но это моя работа, – возразил следователь, – к тому же у нас пока нет конкретного подозреваемого. Мы отработываем слишком большой круг его знакомых. И Фролова в списке далеко не первая, хотя она не отрицает, что была в квартире Измайлова.

– У них были какие-то отношения? – спросил Сафаров.

– Судя по всему, нет. Во всяком случае, Фролова уверяет меня, что была знакома с погибшим совсем недавно. Она была у него дома только два раза. Второй – именно в тот роковой вечер. Говорит, что зашла просто с ним потолковать. Ни любовниками, ни близкими друзьями они не были.

– И двадцатилетняя девушка отправляется в дом к незнакомому мужчине поздно вечером, чтобы просто переговорить? – не поверил Муслим.

– Было не очень поздно. Около восьми вечера. Фролова – девушка довольно самостоятельная. И, между прочим, ее на улице ждал автомобиль. Служебный автомобиль ее матери с водителем. Этот факт говорит в ее пользу. Вряд ли молодая особа станет приезжать на свидание в автомобиле своей матери, чтобы водитель узнал адрес, к кому она едет, если это был ее интимный друг. Молодые люди обычно так себя не ведут. Не говоря уже о том, что убийца не станет столь глупо подставляться. Пока она поднималась и разговаривала с погибшим, машина ждала ее внизу. И номер автомобиля запомнили все соседи. Так глупо убийцы себя не ведут. Лю-

бовники тоже.

– Тогда о чем они говорили? – спросил Муслим.

– Она говорит, что приехала туда по поручению своей подруги. Но не называет ее имени, несмотря на все мои просьбы и на уговоры матери. Считает, что это не ее секрет. Во всяком случае, факт появления в квартире она не скрывает. Сейчас мы отработываем версию ее знакомых, пытаемся выяснить, кто из них мог знать погибшего дипломата.

– И за прошедшие два дня вы ничего не нашли?

– Пока ничего. Мы работаем, господин Сафаров. В следственном деле чудес не бывает, здесь нужно отработывать все версии.

«Это я знаю», – подумал Муслим.

– В таком случае подождем до завтра, – поднялся Сафаров, – и учтите, что завтра вечером мы будем настаивать на получении разрешения на вывоз тела. У вас будет не больше суток.

– Это нам решать, господин Сафаров, – мрачно парировал Мелентьев, – не нужно оказывать давление на следствие. У нас за это существует даже уголовная статья. Это у вас, в Баку, все можно решать через знакомых и свои связи; здесь торжествует закон.

Он не успел договорить, когда раздался телефонный звонок. По тому, как быстро Мелентьев схватил трубку, стало ясно, что позвонил сам прокурор города.

– Слушаю вас, Николай Алексеевич, – быстро ответил Ме-

лентьев. – Да, я все понимаю. Сегодня ко мне приехали представители их Министерства иностранных дел. Да, мы вчера с вами об этом говорили. Но я должен завтра провести еще одну экспертизу. Уже назначили. Сегодня можем не успеть. Нужно предупредить экспертов. Да, я понимаю. Да, я все понимаю. Конечно, он дипломат. Но у нас не хватит времени. Да, конечно. Слушаюсь. Я все понял, Николай Алексеевич. Безусловно. Прямо сейчас позвоню. Да, конечно. Уже завтра утром. Все понял. До свидания.

Он дождался, пока прокурор отключится, и положил трубку.

– Кажется, ваши земляки уже вышли на президентский аппарат, – недовольно заметил Мелентьев. – Из Москвы позвонили в нашу мэрию и городскому прокурору. Я действительно не понимаю, почему подняли такой ненужный ажиотаж. В общем, я получил указание нашего прокурора. Повторную экспертизу проведем прямо сегодня, а уже завтра начнем оформлять документы.

Сафаров подумал, что будет нечестно, если сейчас он напомнит следователю его слова, которые тот произнес всего лишь минуту назад. У Мелентьева и так был понурый вид.

– Нужно понимать наши традиции, Вячеслав Евгеньевич, – мягко заметил Муслим, – и горе отца, потерявшего сына.

– Ладно, хватит, – отмахнулся Мелентьев, – вы уже добились своего. Что еще вам нужно?

– Меня прислали сюда для координации наших действий, – напомнил Сафаров, – и, пока вы не завершите расследование, я буду находиться в Санкт-Петербурге.

– Будете каждую минуту использовать свои связи, чтобы давить на следствие? – зло осведомился Мелентьев. – Вы знаете, что такое Уголовно-процессуальный кодекс?

– Немного представляю. И обещаю не использовать никакого побочного давления. Я же вам сказал, что сам юрист по образованию. Я приехал только вам помочь.

– Мы не нуждаемся в посторонней помощи, – отрезал следователь. – Надеюсь, что вы понимаете всю сложность нашего расследования. Прошу меня извинить, я должен работать.

Они поднялись.

– До свидания. – Мелентьев поднялся следом, протягивая им пропуск, но не стал пожимать им руки на прощание. Очевидно, он все-таки обиделся. Они вышли из кабинета, спустились вниз, вышли из здания.

«Я даже не успел его расспросить, – огорченно вспомнил Муслим. – Нужно узнать, где сейчас работает Артем Пармузин. Так, кажется, звали того прокурора, с которым мы работали двенадцать лет назад. Он должен быть еще молодым человеком. Тогда мне было тридцать шесть, а ему чуть меньше. Тридцать два или тридцать три. Интересно, где сейчас работает Пармузин?»

– Подождите меня, Сергей, – попросил Сафаров, возвращаясь в здание. Он показал свой паспорт дежурному. – Я

только сейчас отсюда вышел, – напомнил он офицеру.

– Я помню. Но все равно нужен новый пропуск, – строго сказал офицер, – даже дипломатам.

– Нет, нет, вы меня не поняли. Я не собираюсь снова входить в здание. Мне нужно только уточнить, где работает Артем Пармузин.

– Здесь справок не дают, – ответил офицер, – извините.

– Конечно. Я все понимаю. А можно позвонить от вас Вячеславу Евгеньевичу Мелентьеву? Я только сейчас от него вышел.

– Нет. Отсюда позвонить нельзя. Извините, у нас свои правила.

Муслим вернулся к машине.

– У вас есть номер служебного телефона Мелентьева? – спросил он у Сергея.

– Конечно, есть.

– Дайте мне номер телефона, – попросил он.

Сергей протянул ему свой аппарат.

– Первый номер телефона как раз его. Можете нажать кнопку и разговаривать. Я звонил ему, когда вы прилетели, чтобы подтвердить нашу встречу. И не нужно вам звонить по своему телефону, это дорого. У меня местный тариф.

– Хорошо. Спасибо. – Он повторно набрал номер телефона Мелентьева.

– Слушаю вас, – ответил следователь.

– Извините, что я вас снова беспокою, – сказал Муслим. –

Дело в том, что я приезжал сюда к вам двенадцать лет назад. И тогда встречался с сотрудником вашей городской прокуратуры – Артемом Пармузиным. Он был следователем. Вы не знаете, где он сейчас работает?

В ответ послышалось тяжелое дыхание следователя.

– Алло, вы меня слышите? – удивился Сафаров.

– Следователь Артем Пармузин был убит в ноябре девяносто четвертого года. Почти десять лет назад, – мрачно сообщил Мелентьев. – Вы хотите получить справку еще о ком-нибудь?

– Нет. Но как это произошло? Почему его убили?

– Он занимался вопросами организованной преступности, – пояснил Вячеслав Евгеньевич, – и, очевидно, перешел кому-то дорогу. Время тогда было лихое, сложное. Его застрелили, когда он подъехал к дому. Убийц так и не нашли, если это вас интересует.

– У него была молодая жена и сын, – вспомнил Муслим, – нет, даже два мальчика. У него была супруга и два сына. Я бывал у них дома.

– Возможно. Я работал с ним только полгода, и мы были недостаточно хорошо знакомы. Извините, но я сейчас занят.

– Да-да, конечно. Извините меня.

Он вернул аппарат Сергею и уселся в салон автомобиля.

– Что-нибудь опять случилось? – уточнил Сергей.

– Случилось. Хотел узнать об одном своем знакомом. Мы с ним работали вместе в девяносто втором. Оказывается, его

убили десять лет назад. У него была такая чудесная жена. И двое ребятишек. Я даже не мог представить, что он уже давно погиб.

– Здесь в начале девяностых был полный беспредел, – сказал Сергей, выруливая автомобиль. – Я до сих пор не понимаю, как они вообще смогли выстоять и выжить...

– У нас было не лучше, – мрачно заметил Сафаров.

– Но у вас эта эпоха всеобщего бардака не длилась так долго, – возразил Сергей, – а здесь все девяностые годы были одним сплошным испытанием для людей. Просто чудо, что страна сохранилась. Сначала развал Советского Союза, когда отпали все республики, потом эти гайдаровские реформы. Сейчас пишут, что они были непродуманные и чудовищные по своему цинизму. Тогда в расчет живых людей просто не принимали. Все делалось по каким-то мертвым схемам. Потом этот обман с ваучерами, потом эти грабительские приватизации. «Черные вторники» и «черные пятницы». Попытка переворота девяносто третьего. Две войны в Чечне. Разгул бандитизма в девяностых, когда людей просто убивали на улице, на глазах у милиции. Позорные выборы девяносто шестого, когда Ельцина буквально протащили в президенты, хотя он был тяжело больной и не получил столько процентов, сколько ему приписали потом. И, наконец, августовский дефолт, взрывы домов в России. Я правда иногда поражаюсь терпению русских. Это такой невероятный народ! Терпеть такого президента, как Ельцин! В любой

другой стране его бы давно прогнали. И вы знаете, почему я его так ненавижу? В девяносто четвертом наши войска выходили из Германии. Может, вы помните. Он тогда напился пьяным и дирижировал немецким оркестром под хохот германских официальных чиновников. Вот этого я ему никогда не прощу. У моей бабушки в блокаду Ленинграда погибло четверо братьев и сестер. Она все время о них говорила, как они умирали. И меня Сергеем назвали в честь ее младшего брата. Ему только шесть лет было. А он от голода умер. Вот здесь, в этом городе. Мы эту победу в войне так выстрадали, с таким трудом добыли. Мы все, не только русские, но и советские люди. Хотя русским досталось больше всего. А он пьяным дирижировать.

Сергей огорченно замолк.

– Это политика, – отрешенно сказал Муслим, – она всегда была грязной и непредсказуемой. Поэтому я так не люблю политиков.

Сергей несколько удивленно взглянул на него.

– А разве мы не занимаемся политикой? – спросил он. – Я думал, что как раз дипломаты этим и занимаются.

«Кажется, я снова попался, – подумал Муслим, – нужно быть внимательнее».

– Дипломат – это не политик, – возразил он. – Мы всего лишь работаем сотрудниками нашего внешнеполитического ведомства. А политики – это президенты, премьеры, министры и депутаты. Они и решают, как нам жить. И, к сожалению,

нию, не всегда решают в нашу пользу. Как раз наоборот. Чаще всего они решают в свою пользу. Но так устроен этот не совсем идеальный мир, Сергей. Поехали в наше консульство, мне еще нужно познакомиться с генеральным консулом.

– Это прямо в центре города, на Миллионной улице. Но я уже понял, что вы хорошо знаете город.

– Не так хорошо, как вы думаете, – возразил Муслим. – Первый раз я прилетел сюда только в двадцать четыре года. Это было в далеком восьмидесятом году. Как раз тогда, когда Советский Союз принимал Олимпиаду.

– Мне тогда исполнилось только два года, – улыбнулся Сергей. – Я видел эту Олимпиаду только в документальных фильмах. И вы тогда впервые сюда прилетели?

– Да. И тогда этот город еще назывался Ленинградом...

Год обезьяны. Ленинград.

Июль, тысяча девятьсот восьмидесятый год

Он прилетел тогда в Ленинград на три дня. Все началось задолго до этих июльских дней. К началу восьмидесятых в Советском Союзе начали сказываться последствия войны, когда число призывников, родившихся в пятидесятые-шестидесятые годы, резко упало. Ведь это были дети по-

коления отцов, в основном погибших на фронтах Великой Отечественной. И второй вал подобной «демографической ямы» пришелся на этот период. Тогда было принято беспрецедентное решение – в армию начали забирать даже студентов, не давая им окончить высшие учебные заведения. Через несколько лет, поняв пагубность подобного метода, правительство отменило этот закон. В результате которого страна не получила тысячи ученых, математиков, биологов, кибернетиков. А тысячи недоучившихся солдат были слабой заменой недоучившимся студентам, они после службы в армии уже не занимались с прежним усердием, да и вообще часто забрасывали свою учебу, переходя на заочные и вечерние формы обучения.

Но в семьдесят восьмом году, когда Муслим Сафаров закончил юридический факультет, подобного новшества еще не было, и все студенты проходили офицерские сборы после учебы на военных кафедрах. Сафаров попал по распределению на работу юрисконсультom закрытого предприятия, которые тогда называли «почтовыми ящиками». А еще через полтора года его призвали в армию лейтенантом, посчитав, что он обязан отслужить офицером два года. Именно тогда, перед тем как уйти на военную службу, они вместе со своим другом Валерой решили отправиться в Ленинград.

Поездку наметил Валера. Он должен был заехать на один день в Вильнюс, где жила его бабушка. А оттуда он предложил Муслиму отправиться в Ленинград. Родственник Вале-

ры работал в одной из гостиниц Ленинграда и обещал им сделать «люкс» на целых три дня. Молодым людям, родившимся уже в другую эпоху, невозможно поверить, что в бывшем Советском Союзе были огромные трудности с получением даже обычных двухместных номеров в гостиницах и без волшебного слова «бронь» никто поселиться просто так не мог. Иногда «бронь» заменяла обычная взятка, но откуда могли взяться подобные деньги у двух будущих офицеров, призванных в армию? К тому же через неделю должны были начаться Олимпийские игры, и не только в Москве, но и в остальных крупных городах Советского Союза все гостиницы были взяты под особый контроль.

Они отправились сначала в Вильнюс. Потом, спустя много лет, Муслим часто вспоминал эту поездку. Двенадцатого июля центр города был оцеплен, и они не могли понять, что именно здесь происходит. Бабушка Валеры охотно объяснила все своему внуку и его товарищу. В Литву прибыла делегация из Москвы, которая должна была вручить республике орден Октябрьской Революции. По невероятному стечению обстоятельств этот орден вручал кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев. Он произнес яркую, проникновенную речь в честь сорокалетия восстановления Советской власти в Литве. Откуда было знать всем собравшимся в зале, что именно здесь, в Литве, через несколько лет начнется развал огромной страны, когда приехавший сюда уже Генеральный секретарь ЦК

КПСС Михаил Горбачев не сможет убедить людей в необходимости перестройки и отмены их политического решения о выходе из Советского Союза.

В президиуме торжественного собрания за спиной выступавшего высокого гостя из Москвы сидели секретари ЦК Компартии Литвы, среди которых был и Альгирдас Бразаускас, еще не ставший первым секретарем и руководителем местной компартии. Горбачев вдохновенно говорил о большом пути Литвы за последние сорок лет, о ее приобретениях и экономическом развитии. Ему вежливо аплодировали. Горбачев вручил орден и уехал из Литвы, довольный своим выступлением, еще не подозревая, что именно произойдет здесь через несколько лет. Когда он появится в Литве в следующий раз, его будут принимать совсем иначе. Никто даже не вспомнит, что сама перестройка и возможность высказывать свое мнение появились благодаря курсу нового лидера страны. Горбачев, несомненно, хотел войти в историю реформатором. Но зарекомендовал себя разрушителем и непоследовательным политиком, который не просто развалил собственную страну, но и опрокинул современное политическое устройство мира, отбросив развитие человеческой цивилизации на пятьдесят или сто лет назад.

Муслим и Валера пробыли в Вильнюсе только один день, а следующим утром выехали в Ригу, чтобы пересесть там на другой поезд и отправиться в Ленинград. Это была веселая поездка двух молодых людей, которым исполнилось

по двадцать четыре года. В Ленинград они прибыли ранним утром. Город встретил их мелким, накрапывающим дождем и проглядывающим сквозь тучи солнцем. С вокзала они отправились в гостиницу «Москва», где их ждал родственник Валеры. Он не подвел и действительно выписал обоим молодым людям «люкс» с видом на Александро-Невскую лавру. Первый час они осматривали двухкомнатные апартаменты с двумя туалетами и радовались, как маленькие дети.

Но наслаждаться подобным «люксом» вдвоем казалось обоим молодым людям верхом расточительства и глупости. Они отправились на поиски возможных спутниц в одно из лучших кафе города, которое им рекомендовал портье. Но здесь их постигла неудача, заведение было закрыто. В другом молодежном кафе они вообще зря просидели три часа. Там оказалось так накурено, что ничего невозможно было увидеть сквозь плотную пелену дыма. Разочарованные и уставшие, они пообедали в какой-то закусочной и снова отправились на поиски приключений, пока, наконец, не нашли двух местных девушек, которые любезно согласились с ними поужинать, танцевали весь вечер, заказывали шампанское и фрукты, а затем мило попрощались и уехали. Обе молодые особы были местными и не собирались никуда ездить с двумя «чучмеками», прибывшими с юга. Они всего лишь весело проводили время.

Уставшие и разочаровавшиеся Муслим и Валера вернулись в свой огромный номер. Теперь он вызывал у них толь-

ко раздражение. Первый день и первый вечер были потеряны. К тому же они потратили слишком много денег на сегодняшний ужин.

На следующий день, позавтракав, они снова вышли на «охоту». В самом отеле можно было найти сколько угодно молодых женщин, согласных провести с ними время за определенную плату, но молодым парням совсем не хотелось встречаться с этими представителями древнейшей профессии. Для подобных встреч, справедливо рассуждали два молодых балбеса, не нужно снимать такой огромный «люкс». Вполне достаточно иметь комнату с двумя кроватями. Им хотелось романтических встреч с девушками, на которых можно было произвести впечатление.

Днем удалось познакомиться с двумя молодыми женщинами, которые торопились на работу, во вторую смену в больнице, и пообещали вечером перезвонить. Огорченный постоянными неудачами, Валера предложил вернуться в отель и поискать спутниц в гостиничном кафе.

– Нарвемся на проституток, – возразил Муслим.

– Если увидим, что их интересуют только деньги, сразу уйдем. Зачем нам такие дамочки? Их можно найти везде, где угодно, – парировал Валера.

Спустя много лет Муслим с улыбкой вспоминал их поиски. Времени у них было не так много, и им хотелось познакомиться с женщинами, чтобы произвести на них впечатление и весело провести оставшиеся дни. Но полтора дня поисков

были явно неудачными. По какому-то непонятному закону подлости им явно не везло.

В гостиничном кафе почти никого не было. Они уселись в углу и заказали себе две чашечки кофе. За столиками сидели только две парочки. В углу ужинали несколько иностранцев.

– Нужно куда-нибудь уехать, – предложил Муслим, – и сдать этот «люкс». Зачем мы за него столько платим? Глупо...

– Первый раз в жизни у меня такой облом, – горячился Валера, – когда нужно срочно найти подходящих телок. Так обидно, ты себе не представляешь. Потом два года будем в армии вспоминать о нашем идиотизме.

– Можно подумать, мы идем на службу солдатами, – возразил Муслим, – мы же будем офицерами. У нас наверняка останется больше свободного времени. И вообще не нужно так переживать. Если даже ни с кем не сможем познакомиться. Зато мы с тобой проведем целых три дня и три ночи в таком роскошном «люксе».

– Зачем нам такой «люкс» вдвоем? – разозлился Валера.

В кафе вошла незнакомая женщина, которая прошла к стойке бара и попросила чашку кофе. Она была в строгом сером костюме. В руках была достаточно дорогая сумочка.

– Посмотри, какая красивая женщина, – восхищенно сказал Валера, показывая на незнакомку, – но явно не наш контингент. Таковую даму «люксом» не удивишь.

Муслим оглянулся. Увидел женщину, чуть повернувшуюся

голову. Отметил ее стройную фигуру, дорогой наряд.

– Очень красивая женщина, – согласился он, – но ей лет сорок или чуть меньше. Тебе нравятся такие женщины?

– Мне нравятся все красивые женщины, – отмахнулся Валера, – но ты прав, она намного старше. Хотя я бы прямо сейчас начал за ней ухаживать. Ой, посмотри. Кажется, здесь появился уже наш контингент.

В кафе вошли, неловко оглядываясь, две молодые девушки. Им было не больше двадцати. Они смущенно переглядывались, не решаясь войти. Ясно, что вошли сюда впервые. Одна была высокого роста, с несколько тяжеловатым подбородком и длинными каштановыми волосами, заплетенными в косички. Вторая оказалась чуть ниже среднего роста, блондинка с красивым, словно кукольным лицом.

Девушки прошли к соседнему столику и попросили официанта принести им две порции салата и лимонад. Валера торжествующе улыбнулся.

– Они, наверно, провинциалки, но явно не проститутки, – торжествующе заявил он.

И в этот момент в кафе вошли трое парней. Они явно были навеселе, успев уже где-то принять явно завышенные дозы алкоголя. Двое были достаточно плотными, сильными, коротко остриженными парнями лет двадцати, третий – чуть моложе, высокий и худой, с выпирающим кадыком и лохматыми волосами. Но именно этот казался самым агрессивным и наглым. Сначала они подошли к стойке бара и попросили

пива. Самый молодой, увидев стоявшую женщину, хотел пошутить.

– Ой, какая красавица... – начал он.

Женщина повернулась и взглянула на него. От неожиданности он икнул и замолчал. Понял, что с такими дамами нельзя шутить. И вообще нельзя ничего говорить. Тогда, взяв пива и решив каким-то образом выплеснуть свое недовольство, он обратил внимание на двух девочек, сидевших за столом. Наметанным глазом он тоже уловил, что они провинциалки. И поэтому решительно отправился к ним. Оба его подельника пошли следом.

– Здравствуйте, девочки! – громко заявил он, подходя к столику. – Здесь свободно?

– Занято, – сказала высокая подруга, положив свою сумку на свободный стул.

– А я думаю, что свободно. – Он отпихнул сумку и плюхнулся рядом с ней. Остальные уселись напротив.

– Вы откуда приехали, девочки? – спросил этот тип. – Вы, наверно, не местные?

– Мы не хотим с вами разговаривать, – возмутилась вторая, – уходите, пожалуйста.

– Не нужно так дергаться, – громко попросил наглец. – Вам, наверно, здесь скучно. Давайте поедем с нами. Мы как раз едем на дачу. Будет весело...

– Никуда мы с вами не поедем, – возразила первая с косичками. – И вообще уходите. Мы хотим поесть.

– Ты нас не гони, – разозлился вожак, – ты кто такая? Это твой личный ресторан? Или твое кафе? Может, это твоя гостиница? И вообще сиди смиренно. Или я тебе не нравлюсь? А хочешь, я тебя поцелую?

– Уйди, – крикнула девушка, – я не хочу с тобой сидеть. Пусти меня, мы уходим.

– Какая скотина! – громко сказала женщина, стоявшая у стойки. – Может, вы вызовете милицию? – предложила она бармену. Тот быстро кивнул и схватил трубку телефона.

Муслим поднялся первым. Он видел слезы на глазах обеих перепуганных девушек. И этого было вполне достаточно, чтобы вмешаться...

– Не стоит связываться, – попросил Валера, дергая его за рукав. – Это не наше дело. Пусть сами разбираются.

– Подожди. – Муслим подошел к столику, за которым сидела вся компания. – Ребята, – негромко произнес он, – не нужно так себя вести. Это некрасиво.

– Ты кто такой? – удивился вожак. – Еще какой-то чурка будет здесь в Питере командовать и указывать нам, как себя вести. Пошел отсюда, придурок.

Он схватил сидевшую рядом девушку за руку и больно дернул ее, потянув на себя. Она вскрикнула.

– Я же сказал, что нужно вести себя нормально, – холодно произнес Муслим, – а ты по-прежнему хамишь.

– Значит, ты у нас герой, – поднялся вожак, – значит, похорошему ты не понимаешь.

Он взглянул на сидевшего рядом парня. Тот поднялся следом. Он был явно здоровее Муслима. И неожиданно нанес удар. Подлый удар, по почкам, сзади. Муслим согнулся от боли. И получил второй удар. Он чудом удержался на ногах.

– Муслим, – вскочил со своего места и Валера.

Все трое нападавших оглянулись на одно мгновение, и этой секунды было достаточно. Все-таки Муслим занимался боксом достаточно долгое время. Он нанес первый удар точно в скулу нападавшего, отбросив его от себя.

– Молодец, – громко сказала женщина, стоявшая у стойки бара. Остальные посетители испуганно замерли. Вторым нападавшим, сжимая в руках кастет, собирался ударить, когда Муслим повернулся к нему и нанес мощный удар правой. Тот буквально рухнул как подкошенный, выронив кастет.

– Я тебя убью, – крикнул вожак, доставая нож из кармана.

Бармен испуганно крикнул. Все замерли. Вожак размахнулся. Девушки испуганно смотрели на блестящий нож. Муслим поднял стул, прикрываясь от удара. Нож попал в сиденье. Муслим бросил стул в сторону и нанес еще два удара нападавшему. Тот рухнул на пол. В кафе ворвались сразу трое сотрудников милиции.

– Стоять на месте! – закричал старший лейтенант. – Что здесь происходит?

– Они подрались! – крикнул кто-то из посетителей.

– Понятно, – кивнул старший лейтенант, подходя ближе. – Напились и решили подраться из-за девочек. Ваши докумен-

ты...

Муслим достал свой паспорт.

– Из Баку, – ухмыльнулся старший лейтенант. – Решил приехать сюда и показать нам свой южный характер. Ничего, ты у меня в камере свой пыл отсудишь... Поедете со мной...

– Он ни в чем не виноват, – робко вставила высокая девушка.

– Он нас защищал, – сказала блондинка.

– Вы тоже поедете с нами в качестве свидетелей. Ты посмотри, какой герой появился. Сразу троих ребят уложил...

– Подождите, старший лейтенант, – неожиданно строго сказала женщина, подходя к ним, – я все видела. Вы напрасно обвиняете этих молодых людей. Во всем виноваты нападавшие. Они ворвались сюда, приставали к девушкам, ругались. Я все видела и слышала. Вам нужно забрать вот этих ребят за хулиганство.

– А вы кто такая? – недружелюбно спросил старший лейтенант.

Она открыла сумочку, достала удостоверение, протянула его офицеру. Тот прочел удостоверение, вытянулся и, вернув документы, тихо пробормотал:

– Извините. Я все понял. Забираем этих, – обернулся он к своим сотрудникам. – А ты завтра зайдешь в отделение милиции, – строго сказал он Муслиму, – и захвати своего товарища.

– Спасибо вам, – сказал Муслим, обращаясь к женщине.

Его поразили ее красота, утонченные черты лица, аккуратно уложенные темные волосы, миндалевидные зеленые глаза.

– А вы молодец, – одобрительно сказала она, – в наше время джентльменов почти не осталось. Одни слюнтяи. Или обычные мужики, не способные даже постоять за самих себя. Как вас зовут?

– Муслим.

– Красивое имя. Вы из Баку?

– Да, – улыбнулся он. Тогда все знали, что люди с подобным именем могут быть только из Баку. Огромная страна считала своим кумиром Муслима Магомаева.

– Успехов вам. – Она повернулась и пошла к выходу.

Потом они познакомились с обеими девушками, оставшимися в кафе. Валера на этот раз не ошибся, приехали они из Мурманска в Ленинград только на несколько дней и завтра должны были возвращаться. Они остановились у своей знакомой за городом. Этот вечер и ночь они провели вместе. Было весело и немного смешно, когда они вспоминали, как Муслим последовательно отправлял в нокаут всех троих нападавших. Ни он, ни Валера, ни девушки еще не знали, что через несколько дней оба офицера получат назначение на войну, в Афганистан. Девятнадцатого июля восьмидесятого года открылись двадцать вторые Олимпийские игры в Москве, которые бойкотировали многие ведущие страны мира из-за вторжения советских войск в Афганистан.

В этот вечер все четверо были беззаботными и счастливыми.

ми. Вся будущая жизнь казалось им одним большим праздником. Муслим даже не подозревал, что следующий вечер и следующая ночь окажутся такими важными в его жизни. И Валера тоже не подозревал, что уже через два с половиной месяца его рота попадет в засаду и он будет тяжело ранен. Нет, он не погибнет в Афганистане, останется жить. Но иногда жизнь бывает гораздо хуже смерти. После тяжелого ранения и контузии он потеряет память, превратившись в человека без прошлого. И это все случилось всего через семьдесят пять дней.

Глава 4

«Это самые противоречивые люди. Многие из них, с одной стороны, отличаются нерешительностью, а с другой – самые темпераментные и своевольные люди. Они умеют принимать решения и обладают здравым смыслом».

(Из восточного гороскопа)

Генеральный консул оказался молодым человеком лет тридцати пяти. С самого начала он стал вести себя не совсем адекватно. Очевидно, ему сообщили, кто именно прилетит в Санкт-Петербург под прикрытием дипломатического паспорта. И поэтому он все время улыбался, заговорщически подмигивал, соглашался со всем, что ему говорил Муслим, и даже однажды, не выдержав, сказал, что готов всегда помогать прибывшему гостю в его расследовании. Сергей, сидевший рядом, удивленно взглянул на своего руководителя.

Но долго разговаривать им не дали. Буквально через несколько минут после того, как они начали свой разговор, в кабинет вошла секретарь консула. Это была высокая девушка лет двадцати пяти с коротко стриженными волосами. Она сообщила генеральному консулу, что сейчас к ним должны подняться родственники погибшего дипломата. Он сразу вскочил, засуетился, приказал принести новую вазу с

фруктами и сладостями. И, даже не извинившись перед сидевшим за столом гостем, побежал встречать приехавших.

– Это отец и дядя Измайлова, – пояснил Сергей. – Вы же понимаете, в каком они состоянии. Вот он и старается...

– Я думаю, что он больше старается не потому, что хочет поддержать людей в их горе, а потому, что один из них заместитель министра, а другой начальник отдела Министерства национальной безопасности, – холодно заметил Сафаров. – Впрочем, это не мое дело. Если он действительно смог помочь этим людям, даже в силу их должностного положения, то и тогда это совсем не плохо. А девушка, его секретарь?

– Альбина у нас вольнонаемная. Очень толковый и исполнительный сотрудник, – похвалил ее Сергей, – она скоро от нас уйдет. Поступает в этом году в аспирантуру.

Она вошла в комнату, чтобы убрать и прочистить пепельницу.

– Вам нравится здесь работать? – уточнил Муслим.

– Конечно, – улыбнулась она. – Другие даже завидуют. Хорошая зарплата, отличные ребята. У нас многие говорят, что нужно выходить замуж только за азербайджанцев.

В комнату вошли двое мужчин. Они были удивительно похожи друг на друга. Оба коренастые, среднего роста, с густой копной темных волос, несколько мордастыми лицами, темными, сросшимися бровями и крупными носами. Братья недовольно взглянули на гостя.

– Это Муслим Сафаров, – сразу представил гостя вошед-

ший с ними консул, – я вам рассказывал о нем. А это Шамиль Измайлов, отец нашего погибшего сотрудника, и Эльдар Измайлов, его дядя.

– Здравствуйте, – кивнул им Муслим, и тут неожиданно к нему шагнул младший из братьев.

– Муслим Азизович, я вас сразу узнал. Добрый день. Но разве вы уже дипломат? Я всегда считал вас одним из лучших сотрудников нашей Генеральной прокуратуры...

Наступило неловкое молчание.

– Муслим Азизович прикомандирован к нам из МИДа, – сказал консул и, повернувшись к Сергею, что-то тихо произнес. Тот согласно кивнул и вышел. – Садитесь, – показал консул на кресла вокруг столика. – Дело в том, что мы не хотим афишировать прибытие сюда нашего следователя по особо важным делам. Пусть они считают господина Сафарова обычным сотрудником МИДа. Он может дать свое компетентное заключение по поводу ведения следствия и сделать нужные, более верные выводы.

– Это правильно, – кивнул отец погибшего. – Спасибо, что вы приехали. Это очень правильно, что вас сюда прислали.

Альбина внесла традиционный чай в грушевидных стаканчиках, расставила все на столике и быстро удалилась.

– Он самый лучший следователь в нашей прокуратуре, – восторженно добавил Эльдар Измайлов. – Ты даже не знаешь, какие сложные дела он расследовал. Можешь теперь не беспокоиться. Этой дрянью, которая ударила нашего Фамя,

теперь не выкрутиться. Сафаров сделает все, чтобы точно установить, как она убила нашего мальчика.

– О ком вы говорите? – не понял Муслим.

– О той женщине, которая к нему заходила. Эта студентка медицинского института. Она думает, что ей все сойдет с рук, потому что ее мать работает в мэрии Санкт-Петербурга. Но мы это дело так не оставим. Пусть они накажут виновную...

– Почему вы решили, что именно она виновата?

– Больше там никого не было. И наш мальчик – человек осторожный, не стал бы впускать в свой дом кого попало. Наверно, она к нему приехала, чтобы выяснить отношения. Может, он с ней встречался до этого. Она даже не постеснялась соседей, приехала к дому на служебной машине своей мамы. И ударила нашего мальчика кухонным ножом. – Эльдар Измайлов нахмурился. – Вы ведь все прекрасно понимаете. Если это такое убийство, значит, оно произошло на почве ссоры или личных неприязненных отношений. Наверно, она к нему приставала, хотела, чтобы он на ней женился. Сейчас все ищут себе состоятельных молодых людей. А он дипломат, из хорошей, обеспеченной семьи, жил в самом центре города, снимал здесь квартиру. У него был свой «Мерседес». Вот она и решила, что он лучшая партия для нее. А он наверняка отказался, понимая, что отец решил его женить в Баку, когда он вернется. И тогда она его ударила ножом и сама убежала. Он молодец, настоящий мужчина, су-

мел вытащить нож, но удар был слишком сильным, и много крови вытекло, пока его нашли. Бедный мальчик, он хотя бы умер так, не очень мучаясь.

Отец, сидевший рядом, тяжело вздохнул, но не стал перебивать младшего брата.

– Мы уже созвонились с городской прокуратурой, – быстро вставил консул. – Они проведут вторую экспертизу прямо сегодня, а завтра начнем оформлять документы, чтобы вы могли сразу забрать тело. Я пошлю с вами нашего сотрудника в аэропорт, и мы все оформим как полагается, можете не беспокоиться.

– Спасибо, – кивнул отец. – Вы очень уважительно относитесь к нашей семье. Я этого не забуду.

– Этот следователь Мелентьев ничего не понимает, – продолжал его младший брат, – бывают такие глупые люди. Пришлось обратиться к нашим друзьям в Москве. Вы же знаете, сколько сейчас сотрудников бывшего КГБ и ФСБ работает в президентском аппарате и в Кабинете министров. Нашли нужных людей, вспомнили старые связи. У нас свое братство чекистов, о котором мы никогда не забываем. И они позволили сюда, городскому прокурору и в мэрию города. А они дали указания следователю, чтобы нас не задерживал.

– Да, – вежливо кивнул Муслим, – я вас понимаю.

– Но вы должны настаивать, чтобы дело передали в суд, – продолжал Эльдар Измайлов. – Нельзя, чтобы она ушла от ответственности. Пусть за все ответит. Иначе мы сами ее

найдем и заставим ответить. И никакая мэрия нас не остановит. Не нужно было убивать нашего мальчика. Такой удар для его отца, для всей нашей семьи.

– Подождите, подождите, – остановил его Сафаров, – но мы же не уверены, что она убийца. Нужно все проверить...

– Уже все и так ясно. Она приехала к нему вечером домой, – напомнил его собеседник, – какая порядочная девушка поедет ночью домой к холостому парню? И понятно, что между ними была ссора. Она использовала первый предмет, который оказался у нее под рукой. Наверно, Мелентьев даже напишет, что это было убийство в состоянии аффекта. Пусть так, мы с этим тоже можем согласиться. Но она должна ответить. Как видите, Муслим Азизович, я тоже понимаю толк в этих расследованиях. Хотя всю жизнь занимался оперативной работой, а не следствием.

– Пока ее вина не слишком очевидна, – упрямо возразил Муслим, – нужно будет все проверить.

– Вот и проверяйте, – согласился отец погибшего, – раз вы такой хороший следователь. А мы будем вам только благодарны. Кто у вас куратор, Ибадов? Я ему позвоню и попрошу, чтобы он вам продлил командировку. Сидите здесь столько, сколько будет нужно, только скажите мне, кто убил моего мальчика.

– Я вас понимаю, – несколько ошеломленно сказал Сафаров.

Гости выпили чай и неспешно поднялись. Консул заверил

обоих, что с оформлением документов никаких проблем не будет. Он проводил высоких гостей до машины, забыв о существовании Муслима. Затем быстро вернулся в комнату.

– Извините, – пробормотал консул, – вы же понимаете, у них такое горе.

– Конечно, – вежливо согласился Сафаров. – Куда меня определили? Мне заказали номер в гостинице?

– Конечно, заказали, – встрепенулся консул, – Сергей вас отвезет. Возьмите мой телефон, – он протянул свою визитную карточку, – можете звонить в любое время дня и ночи. И учтите, что на вас распространяется дипломатическая неприкосновенность, раз вы прибыли сюда в командировку от нашего МИДа. Вас не имеют права задерживать или арестовывать. В случае любого конфликта вы можете требовать вызова консула. Вы меня понимаете?

– Надеюсь, до этого я не доведу, – пробормотал Муслим.

– Все может случиться, – пожал плечами консул.

По дороге в гостиницу Сергей долго молчал. Наконец сам Муслим не выдержал:

– Можно, я буду обращаться к тебе на «ты»?

– Конечно, – кивнул Сергей.

– Мне кажется, что ты хочешь меня о чем-то спросить.

– Да, – кивнул Сергей, – я уже все понял. Вы не дипломат?

– Сейчас я почти дипломат. Но по своей основной профессии нет, не дипломат. Хотя об этом никому говорить не нужно.

– Вы работаете в нашем Министерстве национальной безопасности?

– Нет. Я следователь по особо важным делам республиканской прокуратуры. Старший советник юстиции.

– Значит, полковник, – улыбнулся Сергей. – Я немного знаю все эти звания. Тогда понятно. Вас специально прислали, чтобы помочь Мелентьеву?

– Я не имею права ему помогать или вмешиваться в расследование, – напомнил Муслим. – Я должен только наблюдать и дать свое заключение, если увижу, что он не совсем верно ведет следствие. И свои выводы я должен изложить не ему, а своему руководству, в Баку. А они уже там будут решать, как именно реагировать. Теперь все понял?

– Понял, – кивнул Сергей. – Интересная у вас профессия. Значит, вы, как комиссар Мегрэ, расследуете разные преступления.

– Можно сказать и так. Только в реальной жизни все гораздо прозаичнее, чем в книгах.

– Это я понимаю, – кивнул Сергей. – А в Баку вы знакомы с нашим известным экспертом-аналитиком Дронго? Про него здесь, в Санкт-Петербурге, такие легенды рассказывают.

– Нет, не знаком. Хотя много о нем слышал. Ему легче, чем мне. Он не связан с государственной системой управления. Частное лицо. Может отказаться от расследования, может согласиться. Это его личный выбор. А я всего лишь чи-

новник, обязанный выполнять предписания своего руководства. В какую гостиницу мы едем? Судя по тому, с каким видом ты назвал ее Мелентьеву, она не самая лучшая в городе.

– В «Октябрьскую», – вздохнул Сергей. – Она действительно не очень хорошая, но мы попросили дать вам лучший номер. Хотя по категории она больше чем на две-три звезды не тянет. Но здесь в пятизвездочных отелях такие цены, что никаких командировочных не хватит.

– Это я понимаю, – улыбнулся Муслим. – А гостиница «Москва» еще сохранилась?

– Конечно. Но очень старая. Там скоро ремонт должен быть. Если пройдете по Невскому до конца, то как раз выйдете на эту гостиницу.

– Спасибо, я знаю.

– Завтра я за вами заеду, – напомнил Сергей. – Мы будем оформлять документы на вывоз тела. Нужно будет снова поехать к Мелентьеву.

– Обязательно, – согласился Муслим.

В гостинице ему быстро выдали номер на первом этаже. Высокие потолки были единственным преимуществом в номере, где его поселили. Аскетичность, обшарпанность, старая, покореженная мебель, очень маленькая ванная комната, отсутствие мини-бара. Сергей дал слишком лестную оценку этому отелю. Даже две звездочки было бы слишком роскошной форой для оценки состояния этой гостиницы. Но Муслиму было все равно. Он устал за этот длинный день и со-

бирался рано лечь спать. Завтра предстоял трудный разговор с Мелентьевым. Судя по всему, следовательно не потерпит никакого вмешательства в свои дела, что и понятно. И, конечно, не станет делиться с приехавшим никакой информацией. А без этого само пребывание Муслима в городе становится ненужным.

Он поужинал в гостиничном ресторане, быстро вернулся в свой номер. Принял душ и уже собирался лечь спать, когда раздался телефонный звонок. Он удивленно взглянул на аппарат. Уже девятый час. Кто может звонить в такое время?

– Слушаю вас, – поднял он трубку.

– Извините меня, – услышал он торопливый женский голос, – мне сказали, что вы поселитесь в этой гостинице. Я хотела бы с вами встретиться.

– Простите? – не понял Муслим. – Кто это говорит?

– Извините. Вы приехали из Баку?

– Да. А кто это говорит?

– Я Наталья Фролова. Мне нужно с вами обязательно увидеться. Вы меня понимаете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.